

Н. Ю. Плавинская
"ДУХ ЗАКОНОВ" МОНТЕСКЬЕ И ПУБЛИЦИСТИКА
ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789—1789 гг.

Потребности современного научного познания истории Великой французской революции, характер порождаемых ею в последние годы научных и идейно-политических споров требуют сегодня от исследователей рассматривать это событие в широком историческом контексте. Одной из наиболее актуальных задач историографии Французской революции становится анализ содержания, сущности и направления связей революционного десятилетия с предыдущей и последующей эпохами в социальной, экономической, политической, духовной областях: В рамках этой задачи видное место занимает проблема "Просвещение и революция".

Мысль об идейной связи между Просвещением и Великой французской революцией была впервые выдвинута уже самими деятелями 1789 г. Они прославляли философов, которые, по их мнению, "давно подготавливали чудесную революцию"(1), (< стр.145) утверждали, что именно просветители "бросили те запоздалые зерна, которые хорошо укоренились и обещают дать хороший урожай"(2). Революционеры с гордостью объявляли себя наследниками, продолжателями дела, начатого Монтескье, Руссо, Дидро, Мабли, Гельвецием, Вольтером и другими мыслителями(3). Да и противники революции, со своей стороны, тоже были склонны связывать ее с деятельностью просветителей, обвиняя их в невольной причастности к тому перевороту, который совершался на их глазах(4), или же в сознательном "развязывании преступных страстей, породивших революцию"(5). Таким образом, историографическая традиция, устанавливающая неразрывную связь Просвещения и Революции, уходит своими корнями в XVIII век и как бы подтверждается самой историей.

Однако в последнее время некоторые зарубежные исследователи отрицают взаимосвязь между этими двумя явлениями. или иначе оценивают ее. Они исходят при этом из пересмотра традиционных представлений об историческом месте и о классовой сущности французской философии XVIII в. Признавая, что "французская политическая мысль действительно выработала определенное количество специфических культурных черт, впоследствии использованных или переработанных революционной идеологией"(6), Ф. Фюре настаивает на идейном разрыве между философией XVIII в. и революционной идеологией (*distorsion idéologique: rupture dans les esprits*)(7). П. Шоню прямо утверждает, что "революция во Франции была вовсе не следствием распространения идей Просвещения, а результатом того, что французское общество тормозило их распространение"(8). Эти оценки связаны с противопоставлением "чистых" идеалов философов "кровавому насилию" революции.

В данной историографической ситуации особое значение приобретает конкретно-историческая разработка темы "Просвещение и революция". По справедливому замечанию ученого из ГДР Э. Энгельберга, сегодня уже "недостаточно видеть в Просвещении идеологическую революцию в сравнительном контексте других идеологий. Ныне возникает целый комплекс вопросов: какое конкретно влияние оказало Просвещение на Великую французскую революцию и на послереволюционное развитие — идеологически, организационно-политически, персонально? Какова взаимосвязь между идеологической революцией и (< стр.146) политической?"(9). В этой связи весьма существенное значение имеет исследование судеб просветительских идей, наследия отдельных философов в годы Французской революции. Изучение того, как взгляды мыслителей трактовались буржуазными революционерами 1789—1799 гг., как

просветительские идеи трансформировались в революционном сознании и действии, как они приспособлялись к требованиям конкретного исторического момента — все это поможет более отчетливо представить картину становления и эволюции буржуазной идеологии на разных этапах крупнейшего социально-политического переворота XVIII столетия и выяснить, какова была реальная связь Просвещения и Великой французской революции.

Мы рассмотрим один частный аспект этой широкой темы—судьбу в революционное десятилетие политических идей одного из самых ярких и противоречивых корифеев XVIII в. Монтескье, чей трехсотлетний юбилей будет отмечаться в 1989 г. одновременно с двухсотлетием Великой французской революции.

Ценный материал в этом отношении дает публицистика 1789—1799 гг., и в первую очередь памфлеты и брошюры, напрямую посвящавшиеся анализу идей Монтескье. Было установлено семь подобных публикаций, которые довольно равномерно освещают интересующий нас период (они датируются 1789, 1791, 1792, 1793, 1795, 1797 и 1798 гг.). Это позволяет наиболее последовательно проследить, как изменялся подход к политическому наследию Монтескье по мере развития буржуазной политической мысли в годы Французской революции, какие взгляды философа брались ею на вооружение, а какие, напротив, подвергались критике. Автор первого из этих сочинений — Филипп Грувель не принадлежал к числу выдающихся политических деятелей. Парижский выборщик, член "Клуба 178 г.", журналист, он достиг апогея своей карьеры в августе 1792 г; став секретарем временного исполнительного совета. Имя Грувеля стало известно благодаря памфлету "Об авторитете Монтескье в нашей революции"(10), который, таким образом, отразил отношение к философу рядового участника событий. Поскольку в памфлете не встречается упоминаний о Национальном собрании, а народное представительство изображается только в виде Генеральных штатов, можно предположить, что эта брошюра была написана до июня 1789 г.

Грувель обратился к имени Монтескье в связи с нарастанием монархической и аристократической оппозиции революционным преобразованиям, обеспокоенный тем, что правые силы воспользовались авторитетом философа в своих целях. "Монтескье явился первопричиной счастливых перемен, ожидающих (< стр.147) Францию, и это, бесспорно, его главная заслуга, — писал Грувель.— Но волею необычных противоречий его гений борется сейчас против себя самого и готов помешать революции, которую сам же подготовил"(11). Революционер осознавал, что противоречия философа были обусловлены эпохой, в которую творил Монтескье, его социальным происхождением и признавал за ним ряд неверных политических установок. Главную ошибку философа Грувель видел в его аристократических предрассудках и, в частности, в преувеличении роли дворянства в политической жизни Франции(12). По мнению памфлетиста, именно это породило ложную трактовку монархии с ее посредствующими властями, данную в "Духе законов". Провозглашая идею сочетания монархии с народным представительством, Грувель признавал наибольшей заслугой Монтескье открытие им принципа разделения властей и ратовал за использование этого "английского примера" во Франции(13). Однако еще до начала конституционных дискуссий революционер отрицал лозунг раздельного представительства, принятого в Англии, и не поддерживал тезис Монтескье об особой верхней палате законодательного корпуса.

Памфлет Грувеля отражал уровень политических требований либеральной буржуазии в самом начале революционного брожения, когда этот класс делал только первые шаги к политической власти. Поскольку препятствием на его пути стали феодальные сословия, буржуазная мысль этого периода характеризовалась главным образом своим

антиаристократизмом. Именно поэтому Грувель сосредоточил свое внимание на критике продворянских взглядов Монтескье и уделил очень немного места тем идеям философа, которые могли представлять конструктивный интерес. Но выход памфлетиста на проблему разделения властей свидетельствовал, что буржуазная политическая мысль постепенно усваивала некоторые передовые для данного этапа революции черты доктрины Монтескье.

Об их более полном усвоении говорила брошюра Сен-Жюста "Дух революции и конституции во Франции"(14), датируемая 1791 годом. Она особенно интересна тем, что отражает ранние взгляды одного из наиболее ярких деятелей эпохи, который впоследствии встал во главе политики на самом высшем этапе развития революции.

Памфлет Сен-Жюста, созданный в период выработки первой французской конституции, являлся, по сути, голосом в пользу готовившегося законопроекта, который утвердил новое соотношение сил в стране. Он не содержал прямой полемики с (< стр.148) Монтескье, но ряд внешних признаков (эпиграф, название книги и ее глав, политическая лексика и даже сам стиль изложения) подтверждает глубокое воздействие на Сен-Жюста творчества этого философа. Обращают на себя внимание и более существенные моменты. Так, обосновывая преимущества нового конституционного режима, Сен-Жюст опирался на данную в "Духе законов" схему "природа — принцип". По его мнению, во Франции устанавливался новый—комбинированный тип власти, сочетавший в себе демократию, аристократию и монархию. Жизнеспособность такого сочетания, в глазах Сен-Жюста, объяснялась тем, что каждая из трех "природ" управлялась политически здоровым принципом: демократия была основана на умеренной свободе, аристократия — на равенстве прав, а монархия — на правосудии(15). Тем самым он подменял предложенные философом "принципы" добродетели и чести близкими ему лозунгами свободы, равенства и справедливости. Известное сходство с Монтескье видится в трактовке Сен-Жюстом проблемы свободы. Индивидуальную свободу революционер, как и автор "Духа законов", сближал с чувством безопасности гражданина перед законом. "Я жажду представить себе, — писал он, — каким должно стать в будущем гражданское право Франции, согласованное с природой ее свободы"(16). Но в идею свободы политической Сен-Жюст привносил дух революционного протеста(17), не свойственный философу.

В вопросе о политическом равенстве влияние Монтескье видится почти исключительным: Сен-Жюст признавал его совместимость с вводимым конституцией 1791 г. цензовым избирательным правом и двухстепенными выборами(18), хотя эти статьи законопроекта уже тогда критиковались Робеспьером, Дантоном и некоторыми другими революционерами—последователями Руссо. Воздействие Монтескье можно проследить также и в искренней проповеди классового компромисса, в протестах Сен-Жюста против "ненужного кровопролития" революции(19), в его стремлении к иллюзорному идеалу государства, "душой которого будет умеренность и мягкость"(20). В авторе этого памфлета еще почти невозможно распознать будущего хладнокровного врага контрреволюции, с именем которого связана политика революционного террора.

Памфлет Сен-Жюста говорит о том, что даже представители республиканской радикальной мысли необходимо прошли на первом этапе революции через осмысление и усвоение умеренной и компромиссной доктрины "Духа законов". В тот период, (< стр.149) когда логика революционной борьбы еще не привела Францию к демократии и республике, сторонник умеренных политических режимов Монтескье давал идейную пищу для буржуазной политической мысли. Она формировалась, во многом споря с доктриной "Духа законов", но это также подтверждало непосредственное "участие" идей Монтескье в развитии революционной политической мысли.

Характерным свидетельством высокого интереса к Монтескье на первом этапе революции явилась публикация в 1792 г. брошюры Э. Ленгле "Заметки о Монтескье"(21). Сам Ленгле—либерал, депутат Конвента, близкий к жирондистам, написал это сочинение незадолго до начала революции и впервые опубликовал его в 1787 г. Однако издатель счел необходимым осуществить второй выпуск "Заметок". Побудительной причиной этому, как и для Грувеля, послужило то, что идеи философа усиленно поднимались на щит врагами революции. Издатель отмечал: "Некоторые люди, давно привыкшие считать автора „Духа законов" весьма опасным и никчемным писателем, внезапно оказались готовы простить ему ту тьму истин, которую он распространил во Франции. Поняв, что мыслитель поддерживал также некоторые абсурдные и обесцененные химеры, эти люди решили воспользоваться его именем и его ошибками... Достаточно избавить этого великого человека от таких „комментаторов" и „апологетов", чтобы вновь осознать, что Монтескье был первым и самым крупным провозвестником свободы и разума"(22).

"Заметки" Ленгле представляли собой попытку либерального анализа социологических идей Монтескье. Главное внимание автор уделял политико-географическим взглядам философа, ставя своей целью развитие некоторых аспектов политической доктрины "Духа законов". Он пытался углубить теорию разделения властей Монтескье, связывая ее как с идеей общественного договора, так и с теорией естественного права(23). Политическим выводом Ленгле из принципа разделения властей становилось требование вернуть суверенной нации всю полноту законодательной власти и резко ограничить полномочия монарха. И хотя это требование было сформулировано еще накануне революции и относилось к абсолютизму, оно оказалось весьма актуальным и в 1792 г., когда развитие революционной борьбы постепенно вело Францию к отказу от лозунга конституционной монархии, когда революционная буржуазия готовилась захватить в свои руки всю полноту государственной власти.

Брошюры Грувеля, Сен-Жюста и Ленгле ярко иллюстрируют последовательные шаги становления буржуазной мысли в 1789—1792 гг. За это время она прошла путь от политического (< стр.150) соперничества с аристократией и попыток обосновать свои политические права к частичному утверждению своей власти в рамках ограниченной монархии и далее к требованию государственной власти во всем ее объеме. И политическая доктрина "Духа законов" всякий раз оказывалась способной дать буржуазным мыслителям новые аргументы, предоставить почву для развития их идей. Однако крушение монархии заставило, как мы позже увидим (только на некоторое время!),—отказаться от симпатий к идее разделения властей. Но нельзя согласиться с Л. Альтюссером в том, что "в самый острый период революции Монтескье исчез с арены борьбы политических идей"(24). Буржуазные республиканцы попытались заново переосмыслить взгляды Монтескье и привлечь их в качестве идейного оружия, хотя весьма избирательно подошли к его политическому наследию. В то же время позиция республиканских революционеров по отношению к философу стала гораздо более сдержанной, так как аристократическое происхождение, открытая приверженность к системе привилегий, монархические убеждения неизбежно приводили Монтескье в лагерь врагов революции.

Наиболее интересной попыткой дать новую интерпретацию идейному наследию философа стала большая статья, появившаяся в мае 1793 г. в жирондистской газете "Кроник де Пари"(25). Она была опубликована без подписи, но, видимо, принадлежала перу сотрудника этой газеты жирондиста Рабо де Сент-Этьена. Уже сам заголовок—"Монтескье-республиканец" — привлекал внимание: он в корне противоречил устоявшимся ранее взглядам на философа как на приверженца умеренной монархии и

теоретика разделения властей. Этим автор подчеркивал свое намерение выявить в творчестве Монтескье такие идейные ценности, которые в наибольшей степени отвечали бы политическим задачам нового этапа революции. Объявив философа республиканцем, журналист не пытался как-либо опровергнуть прежнюю трактовку Монтескье: он даже не вспоминал ни о разделении властей, ни об английской конституции, не говоря уже о монархии "посредствующих властей". Заметив, что необходимо различать между собой личность "президента парламента Бордо", обремененного грузом пережитков своего класса, и фигуру "историка, исследовавшего законы"(26), журналист указывал: главная заслуга Монтескье для данного этапа революции состояла в том, что он "глубоко познал дух различных форм правления, и в частности — дух республики. Именно в его книге законодатели могут почерпнуть законы (< стр.151) здоровой демократии и примеры такого ее устройства, которое сделает демократию долговечной"(27). Статья была целиком построена на цитатах из "Духа законов" и излагала практически все, что Монтескье говорил в своей книге о республике. Но отсутствие творческого подхода заставило журналиста без возражений принять любые суждения философа по поводу демократии, даже весьма компромиссные, в частности, в вопросах политического и социального равенства. Эти суждения оказались пригодными для обоснования умеренно-эгалитарной программы жирондистской буржуазии.

Вместе с тем подход политически умеренной республиканской мысли к Монтескье нельзя считать неплодотворным. Именно она впервые дала совершенно новое истолкование идей "Духа законов", изменила ценностный подход к философу, отбросив в его творчестве то, что потеряло свою актуальность. Сознательное превращение "Монтескье-конституционалиста" в "Монтескье-республиканца" говорило о том, что на своем новом этапе революция не отказывалась видеть в философе одного из своих идейных вождей.

Что касается якобинской публицистики, то она воздержалась от прямых суждений (как положительных, так и критических) в адрес Монтескье. Это объяснялось, с одной стороны, необходимостью преодолеть компромиссную конституционную доктрину, имевшую влияние на первом этапе революции; с другой стороны, республиканский пафос "Духа законов" и особенно его идея политической добродетели как основы демократии обладали бесспорными достоинствами в глазах якобинцев.

Остававшееся в тени в годы якобинской диктатуры имя Монтескье вновь зазвучало на страницах брошюр после термидорианского переворота. И на этот раз политические идеи философа получили совершенно новое истолкование: публицисты периода Директории поставили своей целью отобразить в комплексе идей Монтескье то, что было созвучно их убеждениям, что вписывалось в современную им историческую ситуацию. Первым среди них был Шарль Боннен, республиканец умеренно-либерального толка. Его "Размышления о Монтескье", изданные вскоре после принятия термидорианской конституции в конце 1795 г.(28), возрождали жанр элогии — "похвального слова". Высокопарно восхваляя философа, Боннен указывал, что идеи Монтескье слишком часто подвергались неверному истолкованию, но обладали способностью воздействовать постепенно и лишь спустя длительное время они смогли проявиться "во мнениях и в характере образованных, мудрых людей, которые, в свою (< стр.152) очередь, формируют общественное мнение"(29) (т. е. автор подразумевал, что только к 1795 г. были созданы условия для правильного понимания творчества Монтескье).

Боннен сдержанно критиковал философа за ошибочные суждения о монархии, аристократические предрассудки, но при этом воздерживался от абсолютизации как республиканской части "программы" Монтескье, так и его конституционной мысли. Однако публицист видел в авторе "Духа законов" ведущего идеолога революции. Он

указывал, что именно творчество Монтескье было "первопричиной великой революции"(30), а деятельность других мыслителей французского Просвещения "подготовила великий век разума и политические революции" лишь постольку, поскольку она "оказывала содействие преобладающему влиянию гения Монтескье"(31). В этом звучало веяние времени: "мудрое" учение Монтескье продолжало давать пищу буржуазной республиканской мысли, и одновременно оно было вполне умеренным в политическом отношении, чтобы противостоять радикальным демократическим течениям в идеологии революции.

Наиболее открыто эта позиция была выражена в 1797 г. бывшим деятелем якобинского Конвента и недавним участником переворота 9 термидора Бертраном Барером. В своей книге "Портрет Монтескье, созданный по его произведениям"(32) он писал: истинная ценность творчества философа на новом этапе заключалась в том, что автор "Духа законов" был способен "после революционных бурь, после незаконных и смутных правлений, после крестьянских волнений привести французский народ к идеям порядка и справедливости, к правильным теориям общественного спокойствия и законодательства, к надежным основам безопасности граждан и уважению к собственности"(33). Самым привлекательным в глазах Барера был либерализм Монтескье, его концепция политической свободы. Но вместе с тем Барер охотно поддержал и тот конституционный механизм, на который опиралась политическая свобода в схеме Монтескье — разделение властей, естественно, применив его к республиканской форме правления. "Разделение властей", утверждал Барер, явилось "наиболее крупным открытием человеческого разума в области политики", сравнимым только с законами Кеплера и ньютоновским всемирным тяготением(34). Тем самым Барер поддерживал возврат к лозунгу разделения властей в термидорианской конституции, но не видел, что содержание лозунга в корне изменено. Если в 1791 г. разделение властей было для французской буржуазии верным средством закрепить (< стр.153) за собой значительную часть власти, которой она была лишена раньше, сделать первый шаг к политическому господству, то в 1795 г. этот же конституционный принцип давал ей возможность нейтрализовать слои городской и сельской бедноты, которые добились участия в осуществлении власти в период якобинской диктатуры. Класс, в интересах которого совершалась Французская революция, перестал ощущать свое единство с народными массами, на которые опирался раньше. Как отмечал Ж. Бенрекасса, это было "легкое приспособление: система разделения властей так же годилась для иерархии социальных классов, как и для иерархии юридических сословий"(35).

Следует упомянуть также о небольшой брошюре Ж. В. Делакура "Значение Монтескье для республики", выпущенной в 1798 г.(36) Собственно говоря, это была вступительная статья, подготовленная для самого знаменитого в XVIII в. издания собрания сочинений философа, осуществленного в 1796 г. Пласаном, Бернаром и Грегуаром(37). Но по каким-то причинам статья не вошла в издание и была опубликована отдельной книжкой.

Делакура, как и другие публицисты периода Директории, продолжал республиканскую трактовку идейного наследия Монтескье, стараясь привлечь философа в лагерь активных сторонников и идеологов того политического порядка, который установился во Франции после 1794 г. С этой целью памфлетист не только сознательно преувеличивал демократизм Монтескье, но и пытался оправдать даже наиболее консервативные черты в его взглядах. Так по мнению Делакура, заблуждения Монтескье были лишь маскировкой его истинных взглядов, поскольку открытая полемика со Старым порядком в середине столетия была еще неразумна: "Если бы он (Монтескье) атаковал фанатизм и тиранию как неосторожный солдат, он погиб бы в этой схватке, как и многие другие. Но он повел себя как способные военачальники, руководя наступлением, вооружая слабых бойцов и тем

самым

подготавливая

победу"(38).

Как Боннен и Барер, Делакура считал творчество Монтескье особенно актуальным на завершающем этапе революции в связи с тем, что оно проповедовало "уважение к национальному закону", "привязанность к принципам справедливости"(39), т. е. противопоставляло политическую умеренность и стабильность революционному демократическому радикализму.

Подводя краткие итоги, следует сказать, что политическое наследие Монтескье являлось важным элементом идейного (< стр.154) брожения эпохи Французской революции. На каждом новом витке революции буржуазные публицисты обращались к автору "Духа законов". Они трансформировали его взгляды, облачали их в новые одежды, "вписывая" их в конкретный исторический момент.

Судя по изученным памфлетам, на первом этапе революции наиболее серьезному осмыслению подвергались конституционные взгляды Монтескье, его теория разделения властей. Публицисты, как и революционеры в целом, изменили социальную направленность этой теории, применив ее для обоснования политических притязаний класса буржуазии. Когда же монархия во Франции закономерно пала, революция легко отказалась от этой теории.

Изученные брошюры подтверждают наблюдение А. Олара о том, что Монтескье оказал существенное влияние на становление республиканского духа и республиканских убеждений во Франции. Его взгляды на демократию разделялись как умеренными республиканцами, близкими к Жиронде, так и либералами эпохи Директории. Однако данный круг литературы не дает ответа на вопрос об отношении к Монтескье представителей радикально настроенной части французской буржуазии.

Публицистика периода Директории свидетельствует также о том, что, помимо истоков республиканизма, деятели той эпохи искали в творчестве Монтескье идеи умеренности и компромисса, с помощью которых они могли бы вернуть революцию в рамки законности после якобинских "бурь". В этом же направлении разрабатывалась и теория разделения властей, вновь пущенная в оборот, но уже в республиканском контексте. Все это подтверждает принадлежность взглядов Монтескье к идейному политическому багажу буржуазии.

Политико-конституционные взгляды Монтескье не представляли собой "последнего слова" политической мысли XVIII в. Их умеренность, компромиссность, ряд консервативных черт подвергались критике со стороны передовых умов в ходе Французской революции. Но идеи Монтескье были той необходимой ступенью, на которой стояла буржуазная мысль в начале революции. На эту же ступень Франция вернулась, когда буржуазия решила свои задачи и приостановила ход своей революции.

Примечания

1. M o ins de paroles et plus d'effets>: Adresse sans fardeur a l'Assemblée Nationale. S.1., 1789. P.14,
2. Petit mot au ministre adore. S.1., 1790. P.19—20;
3. Annales patriotiques. 1789. 31 dec.
4. Idees simples et precises sur les assignats forcees et les biens ecclesiastiques... / Par M. Cerutti. Paris, 1790. P.70.

5. La Harpe. Du Fanatisme dans la langue revolutionnaire ou de la persecution. Paris, 1797. P.90.
6. Furet F. Penser la Revolution francaise. Paris, 1978. P.56.
7. Ibid. P.185.
8. G o yard, Fabre S. La Philosophie des lumieres en France. Paris, 1972. P.17 (avant-propos).
9. Engelberg E. Die Einheit in der Vielfalt der Revolutionen // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften der DDR. 1976. N 146.
10. Gr o uvelle Ph. De l'autorite de Montesquieu dans la Revolution presente. Paris, 1789.
11. Ibid. P.14.
12. Ibid. P.97.
13. Ibid. P.113.
14. Saint-Just L. Esprit de la Revolution et de la Consitution en France. Paris, 1791.
15. Ibid. P.25.
16. Ibid. P.92.
17. Ibid. P. 25.
18. Ibid. P.34—35.
19. Ibid. P.19—20.
20. Ibid. P.112.
21. Lenglet E. Essai ou Observation sur Montesquieu. Paris, 1792.
22. Ibid. P.111 (preface).
23. Lenglet E. Observation sur Montesquieu. P.42—43.
24. Althusser L. Montesquieu: La politique et l'histoire. Paris, 1959. P.115. .
25. M o n t e s q u i e u-Republicain // Chronique de Paris. 1793. 4, 8, 9 mai. N 125, 128, 129.
26. Ibid. N 125.P.2—3.
27. Ibid. N 125. P.3.
28. Издание 1795 г. обнаружить не удалось. Использовано последнее переиздание брошюры в кн.: Bonnin Ch. J. V. Pensees. Paris, 1825 (Reflections sur Montesquieu. P.127—181).
29. Bonnin Ch. Pensees. P.141.
30. Ibid. P .170.
31. Ibid. P.164.
32. Bar ere B . Montesquieu peint d'apres ses ouvrages. Paris, 1797.
33. Ibid. P.III—IV.
34. Ibid. P.57.
35. Be n nec assa G. Montesquieu. Paris, 1968. P.69.
36. Delacroix J. V. Montesquieu considere dans une republique. Paris, 1798.
37. Montesquieu M. Oeuvres completes. Vol. 5. Paris, Plassan, Ber-Tiard, Gregoire, 1796.
38. Delacroix J. V. Montesquieu considere dans une republique. P.7—8.
39. Ibid. P. 39.